Через то, что казалось концом света, медленно шел ребенок.

Его окружали десятки обожжённых тел, разрушенных домов, стонущих, находящихся на грани между жизнью и смертью, людей. Мерзкий запах палёной плоти перебивал смрад гари, проникая в ноздри, забивая легкие, не давая сделать вдох. Упавшая пылающая балка подняла столп искр, одновременно обрывая тихий, доносящийся из-под камней крик, слишком высокий, чтобы принадлежать подростку или взрослому человеку.

Но ничто не могло привлечь внимание идущего в неизвестность ребенка, каждый шаг которого поднимал в воздух успевший опасть наземь пепел. Его расфокусированный, лишенный разума взор видел все происходящее, выжигая бушующим вокруг темным пламенем каждую деталь окружающей картины в разрушающемся рассудке.

Воздух был густым от дыма и чего-то еще, неуловимого и чудовищного, обжигающего не только его тело. С каждым сделанным им шагом тлел разум и дух, разрушалась душа, оставляя после себя лишь лоскуты, развивающиеся от бушующих вокруг энергий, делая её еще более пустой.

Имя его исчезло первым, за ним последовали воспоминания о семье, утягивая за собой все, что только можно, стирая память о прошедшем и потерянном, пытаясь унести в пустоту даже эмоции. Все это было скормлено голодному скверному пламени.

Но ребенок все равно шел вперед, словно марионетка, делающая следующий шаг с помощью невидимых нитей. Не было ни воли, дающей сил, ни желания жить, все это сгорело, оставив лишь пустоту. Он потерял все в этом пожаре.

Шаг. Еще. За ним следующий. Шли секунды, за ними еще и еще, складываясь в минуты, но филиал ада на земле не думал прекращаться. Шествие мальчика продолжалось даже тогда, когда силы покинули ноги, заставляя упасть, но начать ползти.

Зачем он шел? Что им двигало? Что заставляло цепляться за жизнь? Это так и останется загадкой, ведь душа его и разум уже были разрушены, оставив после себя только руины.

Основа того, кто в иных мирах носил имя Эмии Широ, плавилась в огне. Он боле не был мечом, лишь пустой оболочкой, без будущего.

Пламя подбиралось все ближе к его обессилено упавшему телу, лаская оскверненными языками плоть, заставляя ту краснеть и пузыриться. Мальчик должен был умереть, должен завершить так и не начавшийся путь, меняя одним лишь этим историю мира.

Но вопреки всему, история, что должна закончиться, продолжит свое движение.

В мир, что был ограничен окружающей его пустотой, ворвалось нечто — разрывая пространство и время, существуя вопреки всему -что так же было сломано. Оно не имело плоти, не обладало тем, что позволило бы оставаться в материальной вселенной, являя собой растерзанную, но сохранившую частичную целостность душу.

Уставшее, лишенное сил эфирное облако искало спасение и видело его лишь в одном живом существе, способном принять блудный разум. Нечто ощущало остатки сгоревшей души в теле мальчика, куда и спряталось, ища спасение.

Магическое пламя, забравшее за одну ночь многие жизни, объяло тело ребенка, спаивая мистическим жаром останки изначальной души и новоприбывшей сущности. Две разные, но в

чем-то похожие, они слились воедино и мальчик, чьи легкие до этого вдыхали все меньше воздуха, судорожно всхлипнул.

Вновь обретшая разум и волю плоть попыталась подняться, силясь уползти дальше от языков темного пламени. Но тело все еще было телом лишенного сил ребенка, потому, со стоном вновь, не поднявшись и на половину, упало наземь.

Он хотел жить, хотя причин для этого не было. Пальцы зарывались в покрытую пеплом землю, руки подтягивали корпус, медленно, совсем немного, но уползая от ревущего огня.

Мальчик полз вперед по обломкам и праху, не думая ни о чем, кроме желания идти дальше. Его руки болели, кровоточили, мышцы сводили судороги, но он не останавливался. Он забыл обо всем вокруг, весь его мир сузился до маленькой точки впереди, незаметному просвету меж темным пламенем — тропой, ведущей к спасению.

Лишь неожиданное прикосновение сумело вывести его из транса. Чьи-то руки нежно перевернули на спину, давая шанс увидеть еще одного живого человека.

Глаза ребенка щурились, медленно фокусируясь на расплывчатой фигуре в темной одежде.

Неизвестным спасителем, начавшим укутывать его в собственное темное пальто, оказался черноволосый мужчина с покрытым сажей и царапинами лицом. Темно-серые глаза слезились, губы скривились в подобии улыбки, весь его внешний вид кричал о страшной смеси облегчения и горя.

Улыбка, стоило их глазам встретиться, стала шире, счастливее. Он смотрел на мальчика и слезы текли по его щекам, но он улыбался… Что значила эта улыбка? Душа, созданная из обломков двух сущностей, не знала ответ, хотя короткие неясные видения, странные воспоминания пытались донести до нее истинный смысл действий мужчины.

Счастье.

Осознание молнией ударило по разуму, заставляя поморщиться и попытаться схватиться за голову руками, в надежде обуздать накатывающие волны боли.

— Я помогу тебе… — прошептали сухие и потрескавшиеся губы мужчины, чьи руки аккуратно уложили его обратно на землю, чтобы прошептать нечто невразумительное и погрузить раскрытую ладонь в собственную грудь. — Я спасу тебя… — надрывный голос черноволосого заставил сердце сжаться, ведь в нем было столько боли и сожалений. — Хотя бы тебя…

Из груди он вынул странный предмет, чей свет успокаивал разум, даруя уверенность.

Улыбка мужчины стала шире. Счастливее.

«Смогу ли я так же улыбаться?» — подумал мальчик, проваливаясь в сон. Он знал, что его спасут, чувствовал, что мужчина перед ним не сделает ничего плохого. Он позволил своему разуму расслабиться, отпуская поводья воли.

***

Шли часы. Кирицугу Эмия — спаситель парня привез его в больницу, отдав полуживого ребенка на руки врачам, ожидая результатов в коридоре, стиснув зубы и игнорируя шепотки медработников, думающих, что он их не слышит.

Медсестры, занимающиеся лечением, не верили в спасение мальца, так же, как доктора, но все равно каждый делал все возможное, чтобы оттолкнуть подходящую слишком близко «старуху с косой».

В конце концов, к оперившемуся локтями о колени магу подошел врач, устало вытирающий стекла очков:

— Эмия-сан, — взгляд темно-карих глаз лысеющего медика вильнул в сторону. — Его состояние стабильно-тяжелое. Вы можете войти в палату, но прошу, не будите и никаких громких отвлекающих звуков. Больному нужен покой.

Кирицугу кивнул, проводив глазами удаляющуюся спину врача, неуверенно подходя к двери палаты, бесшумно проскальзывая в ту и замирая от вида открывшейся картины.

Запах пропитавших некогда белоснежные бинты антисептиков и прочих препаратов бил в нос не хуже недавней гари. Лицо ребенка, искаженное в ощутимой даже в забытьи агонии, тонкий, едва уловимый «запах» магии Грааля, точнее, его омерзительной скверны.

Каждая отмеченная острым глазом мага деталь заставляла его сильнее хмуриться.

Помогут ли предпринятые им меры? Смогут ли исправить покорёженное и без того малое число цепей, давая возможность полноценно жить, а не существовать?

Эмия сел на стоящее в углу у столика кресло и слегка опустил веки, продолжая наблюдать за лицом ребенка. Теперь все зависит только от случая, или того, как повернётся к ним судьба. Будет ли благосклонна, дарует ли свою милость. Что бы ни произошло, он будет ждать.

***

Бескрайний океан бушующего ядовито-зелёного пламени кружил вокруг него, закручиваясь в огромные вихри, искривляясь в причудливых узорах.

Вокруг не было ни неба, ни земли, ни верха, ни низа, только нескончаемая круговерть энергий.

Пламя не обжигало, не доставляло и капли дискомфорта, напротив, ощущаясь родным и знакомым, вселяя в израненную и сломанную душу уверенность в будущем, уверенность в том, что смерть отступит. Обязательно отступит.

Дух видел в сполохах лица неизвестных, видел то, чего никогда не знал, но подсознательно понимал — это отголоски прошлого, давно утерянного им. Осколки воспоминаний, разрозненные, слабо структурированные, приятные и ужасные, все они кружились вместе с огнем в вихре хаоса.

Личность «ребенка» восстанавливалась, срастаясь подобно осколкам стекла, движимым магией вспять, объединяясь в некогда единое целое. Да, оставались прорехи, пустоты, но чутье говорило, что они затянутся. Со временем.

Душа, покрытая трещинами, восстанавливала целостность, впитывая ядовитое пламя, один лишь вид которого мог вызвать сердечный приступ у простых смертных. Вокруг продолжали кружить неясные образы, сменяя друг друга. Он не знал, когда лица людей сменились мордами чудовищ, когда он перестал их пугаться, но чем дольше продолжался калейдоскоп абсурдных для простых людей видений, тем сильнее извивался разум, загнанный в рамки привычного.

Но даже у такой эфемерной конструкции гибкость не может быть бесконечной. Груз прожитых лет иной души, сотворенных ею дел и увиденных чудес давил не переставая.

Новая личность, сформированная на останках души мальчика и приращенной к ней искорёженной сущности ломалась под весом грехов себя прошлого даже не осознавая этого. Мышление, непривычное современным людям, но родное тем, кто выживал во время нашествия эфирных и демонических существ, брало верх.

***

Пробуждение было болезненным. Ему не удалось удержать стон, проникающий меж плотно сжатых губ и пробуждающий застывшего в кресле человека.

Это был тот же неизвестный мужчина с черными волосами и тёмно-серыми глазами. Эмоции мелькали на его лице, сменяя друг друга так же быстро, как во сне появлялись и исчезали фрагменты воспоминаний. Но одно можно было понять точно, спаситель ощущал огромное облегчение от того, что мальчик жив и очнулся.

Прошло около двадцати часов, луна вновь поднялась на небосвод. Лишь ее свет проникал в палату, отражаясь от бледной кожи спасителя.

— Вхы… — слова давались с большим трудом, терзая горло абразивом. — Это вы… вы спасли меня? — собрав все накопленные силы и волю проговорил мальчик.

— Да. — кивнул черноволосый. На мгновение могло показаться, что его голос дрогнул.

— Спасибо. — одно простое слово, но оно подняло цунами эмоций, обрушившихся на разум Эмии словно цунами. Непрошеные слезы навернулись на глазах. Он смахнул их ловким, но непривычным движением.

— П-пожалуйста. — неловко запнулся маг, не совсем понимая, как стоит реагировать на такую похвалу. — Так… ты помнишь, как тебя зовут? — еще более неловкая попытка поддержать разговор. Он мог лишь надеяться, что выглядело это не так жалко, как звучало.

— Нет. — опустил взгляд вниз парень, смотря на свои сжатые в кулак руки.

— Ты что-то помнишь? — нахмурился Кирицугу.

— Нет. Только образы. Слишком невнятные. — к великому сожалению, обращающаяся из осколков память была слишком хрупка и пробуждение свело на нет все проведенное в зеленом хаотичном пространстве время. Память минувшего утонула в ударивших во время пробуждения чувствах живого тела, настолько сильных, насколько непривычных погибшему вечность назад эфирному существу.

Хрупкие осколки, чудом сохранившиеся несмотря на все ухищрения судьбы, яро пытающейся завершить начатое и покончить со страданиями двух ставших вопреки законам природы единым целым душами.

С парнем остались, пусть и на неопределённое время, лишь последствия — искорёженный разум. Слабый утешительный приз, учитывая все произошедшее.

— Доктора говорят, что ты стабилен и скоро они тебя выпишут. — вранье слетело с языка мерзко, привычно и просто. Но в дальнейшем разговоре ложь была излишней. — Никто кроме

тебя не выжил в пожаре. И никто не заявлял о твоей пропаже в полицию. Возможно… Твои родители мертвы.– действительность продолжала давить на обоих, особенно на плохо спавшего мага. — Меня зовут Кирицугу Эмия. — наконец пресытился вязкой атмосферой мужчина. — Ты не будешь против, если я тебя усыновлю? — чтобы в последствии сбросить бомбу.

Он не мог не ухмыльнуться, видя шок на лице парня.

— А… — сухое горло першило, заставляя закашляться.

— Понимаю, что это неожиданно. — замялся убийца магов, вильнув взглядом. — Поэтому перед тем, как ты дашь свой ответ, я расскажу о себе самое главное. — стул стоящий у двери палаты быстро перекочевал к койке, быстро занимаемый магом. — Но прежде всего, тебе нужно имя. Есть варианты?

Ошалевший от неожиданности ребенок не знал что ответить. Сначала его огорошили новостью о возможности усыновления, появлении семьи, чтобы после заставить придумать себе имя, выбрать которое, впрочем, у него не получилось. Слишком невнятной в голове была каша из мыслей и образов.

Мотнув отрицательно головой, рыжеволосый вопросительно уставился на Эмию, будто прося его выбрать самостоятельно.

Нахмурившийся маг не мог не отметить заторможенность в реакции у ребенка. Все признаки говорили о том, что у человека перед ним обширная амнезия. И было решительно неясно, вернётся ли что-то из прошлого, или останется таким же неизвестным.

— Как тебе — Широ? — после недолгого раздумья и колебаний спросил Кирицугу. — Это означает ч…

— Мне нравится. — перебил его рыжий. — Широ. — покатал он его на языке.

— Так вот, Широ, — скривившись от того, как сильно схватился за новое имя парень, продолжил Эмия. Ему было неприятно видеть, как ребенок делал это. — У меня есть секрет, которым я хочу с тобой поделиться. — убийца наклонился вперед, взглядом удерживая все внимание на себе. — Я — маг.

— Ладно.

Чего ожидал увидеть Кирицугу? Острой реакции? Криков «не верю»? Да хотя бы торга со здравым смыслом. Но явно не простого принятия существования волшебства и людей, которые могут его творить. Скажи он это обычному человеку, то с вероятностью сто процентов был осмеян. Но не здесь, не сейчас и не Широ.

Эмия уже успел подготовиться к серьезному разговору, по мере увеличении продолжительности которого раскрывает больше фактов о «мире магов», переходя к примерам. Простеньким заклинаниям, которые он мог творить легко даже в нынешнем состоянии — без Авалона и с поврежденными каналами.

Но реальность вновь ударила по нему, правда на сей раз, разнообразия ради не неприятно и больно.

Именно в тот момент Широ впервые увидел, как Кирицугу смеется. Весело, не скрывая эмоций. Свободно.

— Я согласен.

— Что? — задавив смех, спросил убийца.

— Я согласен пойти с вами. Был согласен с самого начала.

То как были произнесены эти слова, каким тоном и выражением лица, не могли не задеть Эмию. Увиденное на дне карих, переливающихся легким золотистым цветом глаз поражало.

Кирицугу мог поклясться, что с такими же глазами смотрел ранее на найденного, полуживого парня.

Надежда. Надежда на будущее.

И если наемный убийца, спасая Широ, желал искупить грехи, то сам парень жаждал жить. Просто жить, имея цель, тянущую его вперед, заставляющую делать очередной шаг.

— Тогда зови меня просто Кирицугу. — бледно, но искренне улыбнулся виновник произошедшей трагедии, ощущая, как сильнее сжимается сердце от одного лишь взгляда на такую же бледную, но счастливую улыбку единственного выжившего.

***

Поместье Эмии встретило пару тишиной и тонким слоем пыли. Ключи от дома тихо звякнули, упав на тумбу, брошенные уставшим после волокиты с документами Кирицугу. Не сильно помогла и магия, все же все данные о рыжем парнишке и его семье сгорели в пламени Грааля, которое, казалось, уничтожило и воспоминания людей. Никто, даже спустя неделю «чудесного» и быстрого исцеления Широ, так и не явился в больницу, заявляя о своих родственных отношениях с потерявшим память ребенком.

Но Кирицугу не был бы собой, не поверни он всю происходящую ситуацию в свою пользу, с помощью магического убеждения, а где и простыми взятками, настраивая на позитивный исход всех любителей бумагомарания, начиная с врачей и заканчивая органами опеки, которые внезапно воспылали желанием устроить сиротинушку в детдом.

Ныне Широ носил ту же фамилию, что и его законный опекун — Эмия.

Парень разувшись, принялся удивлённо изучать внутреннее убранство дома, едва не присвистывая от почему-то непривычных дизайнерских решений, особенно его задел стол, сидеть у которого нужно было, подогнув под себя ноги.

— Бумажные стены… — пробубнил он едва слышно, надеясь, что опекун не слышит, не обидится и главное не посчитает неблагодарным. — А это что за… — взгляд упал на обеденный столик без стульев, но с подушками.

Рука подошедшего незаметно, абсолютно бесшумно мага легла на плечо, заставляя ребенка вздрогнуть и неуверенно задрать голову, лелея надежду в абсолютной глухости Эмии старшего.

Судя по слегка едкой, но не обидчивой улыбке — напрасно.

— Ты привыкнешь. — тихо рассмеялся волшебник, расстегивая одной рукой пальто, второй подталкивая парня к подушке, приглашая присесть. — Вот здесь теперь ты и будешь жить. Дом

имеет несколько спальных комнат. Выберешь любую. — он хмыкнул. — В паре есть европейские кровати и никаких футонов. — Широ серьезно кивнул, абсолютно не подозревая, что такое этот злачный «футон». Но одно он знал точно, кровать — это хорошо и удобно, потому, в бездну «футон», чем бы он там не оказался.

Кирицугу, крякнув, поднялся, жестом останавливая подскочившего парня.

— Я чай заварю. — маг, стиснув зубы от наступившей непреодолимой волной болью, медленно побрел к электрическому чайнику, на выдохе тот поднимая, и ставя под струю водопроводной воды. — Раз вещей у тебя никаких нет, кроме… — он обернулся, бросая короткий взгляд на больничную одежду (купленную у лечащего врача за пару вечнозелёных, так же заткнувших ему рот) и обгоревшую куртку, чудом не превратившуюся в прах. — Тайга должна скоро принести одежды, — глаза находят часы на левой руке. — Скоро она должна подойти, как раз заскочив по дороге со школы домой. На первое время тебе хватит, но не обольщайся, эта несносная девчонка обязательно возьмет тебя в магазин, где заставит быть манекеном. Так что гардероб твой пополнится основательно.

Кирицугу не был фанатом чайных церемоний или прочих экзекуций над растением, потому, заварил простые пакетики, ставя перед Широ большую чашку, так же не особо распространенную в Японии, обжигающего черного напитка.

«Хотя Райга скажет, что я перестал уважать «корни», проведя многие годы на западе». — Эмия старший сделал глоток терпкого чая без сахара, прикрывая глаза и не морщась от высокой температуры.

Дедушка Тайги вообще был ярым «фанатом» Японии и, будучи якудза, не терпел западных заимствований, говоря строго на классическом японском и расхаживая только в кимоно. Кто-то мог назвать его патриотом, а кто-то маразматиком, но последние после своих необдуманных слов очень долго извинялись.

— Есть вопросы? — задавив желание рассмеяться спросил маг, смотря на то, как Широ, наблюдая за опекуном, сделал такой же большой глоток очень горячего чая. О чем незамедлительно пожалел, пуча глаза и стеная нечто невразумительное. Хотя к гордости самого парня стоило отметить, что он не выплюнул жидкость, проглатывая ее полностью. Правда на чай он теперь косился с подозрением.

— Нет. — выдохнув ртом ответил рыжик. — Хотя только один. — каре-золотистые глаза вперились в черные Кирицугу. И тот сразу понял, что именно прозвучит дальше. — Вы… Ты научишь меня своей магии? — и как бы сильно Эмия хотел ошибаться в своем предсказании.

— Маги современности колдуют, пропуская прану через магические цепи в теле. Но… — на миг на дне глаз мага промелькнула жалость. Он рос в семье волшебников и с молоком матери впитал одну простую истину — потеря хотя бы одной цепи может быть фатальна для мага. И даже простой человек, далекий от магии обладал минимум парочкой из них. Но парень перед ним… — Пламя Грааля уничтожило твои цепи. Стерло их вместе с частью души. Поэтому Авалон внутри тебя так долго регенерировал твои раны, вытягивая находящуюся в пространстве вокруг энергию.

— Н-но врачи сказали, что я восстановился феноменально быстро… — мир Широ треснул. Все что он успел нафантазировать за прошедшее в больнице время быстро, стремительно летело в клоаку.

— Для простого человека — да, но не для обладателя благородного фантазма рассчитанного на

поддержу и восстановление. — покачал головой Кирицугу, сжав челюсти и находящуюся в руке чашку, что натужно заскрипела, покрываясь трещинами. — Будь у тебя хотя бы пять цепей, то спустя пару дней ты бы уже был выписан. — челюсть Широ неприлично отпала, устремившись к земле. — Будь столько же, сколько у меня, то через пару часов, — теперь рот раскрылся еще шире.

— Н-но… Можно же хоть что-то сделать? Авалон способен восстановить душу? — голос парня дрогнул. Надежда рушилась, словно хрупкое стекло после контакта с разогнанным молотом.

— Да, — такое простое слово, но осколки уже не так сильно ранили подрагивающего мальца. Хотя надежда не спешила возвращаться. — Это займет годы, но возможно, только возможно ты сможешь вернуть… треть былого количества.

— То есть… — глаза Широ потухли, — если было шесть, то будет две. Хах… ха… ха.

Эмия отложил окончательно растрескавшуюся чашку в сторону, закрыв лицо ладонями. Он хотел помочь. И даже знал, как это сделать. Мысли устремились к семейной драгоценности, передающейся от одного поколения к другому. И раз детей у Кирицугу нет, то Широ мог стать идеальным преемником тайн и силы семьи Эмия. Но стоило ли оно того? Нужно ли самому парню это? Ведь маги идут рука об руку со смертью и не так далек тот роковой день, когда Широ встретится с этой непреодолимой силой забирающей даже богов лицом к лицу.

Брюнет вспомнил серьезное лицо парня, увидел его почти мёртвое нынешнее выражение, промотал в памяти ту надежду, которую вылил на него сын, словно ушат воды.

Как он мог разрушить новорождённые мечты своего ребенка, к которому так непростительно сильно привязался за неделю, проведенную в больнице?

Нет, нет и еще раз нет. Не после того как задолжал этому ребенку, который из-за его действий потерял все, начиная с родителей и заканчивая воспоминаниями.

— Широ. — твердо позвал сына маг, встречаясь с «мертвым» взглядом человека лишившегося последнего шанса. — Есть еще один шанс. — жевательные мышцы Эмии несколько раз сократились от явного напряжения, которое он сейчас испытывал. — Это, — он указал большим пальцем на свою спину, где располагался сам знак его семьи. — Магический знак. Высеченный в плоти результат чуда, привязанный к роду мага. Маг, на протяжении всей своей жизни, постепенно дополняет и развивает его. Можно назвать его мистическим наследством, которое определяет родословную. С помощью медицины и ритуалов, он передаётся наследнику ещё в молодости, постепенно имплантируя понемногу за один раз, чтобы его тело приспособилось к магической печати. Знак позволит тебе получить не только часть моих, но и все накопленные за поколения цепи. Даст шанс.

В глазах Широ начала разгораться искра. Еще слишком маленькая, чтобы стать полноценным пламенем воли, двигающим его вперед, но этого вполне хватало для всего, что он задумал дальше.

— Если ты согласишься на пересадку и обучение, то у тебя появится возможность стать тем, кем ты пожелаешь. — Кирицугу видел, как с каждым словом в Широ разгоралась решимость. — Операция будет болезненной, а обучение опасно для жизни, но если ты не отступишь…

Он не мог сказать, что сильным магом парню не стать. Слишком велики шансы на провал или неправильную пересадку. Все же он был единственным из Эмий, кто знал, как правильно переносить их метку без риска уничтожить цепь-другую, да вот сделать это сам не мог. Но

тянуть слишком долго было нельзя, проклятие Грааля, распространявшееся по его телу и преимущественно магическим цепям, медленно разрушало клеточку за клеточкой, причиняя растянутую на годы агонию, приближая миг кончины, но не освобождения. Уж слишком будет в будущем сильно повреждена его душа, чтобы упокоиться с миром.

Нужно было спешить, пока порча не перешла на метку, и не уничтожила то, что поколения его предков собирали и модифицировали целыми столетиями. И как бы он не относился к своей семье, как бы не презирал «магов», готовых принести в жертву науке тысячи людей, пустить по ветру свою историю не мог.

— Я… я не подведу твоего доверия! — если в начале своего восклицания Широ и заикнулся, то в конце твёрдость в голосе могла приятно удивить Кирицугу.

Маг надеялся, что запала его сына хватит, чтобы сдержать слово. Хотя если тот откажется от пересадки или учёбы, то не будет спорить, напротив, будет непомерно рад тому, что парень не пойдет по его стопам и не погубит свою жизнь, неустанно преследуя несбыточную мечту каждого волшебника.

Куда бы ни свернула дорога судьбы, он всегда будет помогать своему сыну. Во всем. Пока смерть не заберет его.

— Охотно верю. — улыбка даже не получилась вымученной. — Тогда первое время обживайся, расслабляйся, выздоравливай окончательно с помощью Авалона, а после мы и приступи…

В дверь постучали, прерывая Эмию. Но напрягшееся тело вновь расслабилось, когда посетитель с громким топотом и криком «Приветики!» влетел на кухню.

— Тайга. — простонал маг.

— Кирицугу! — девушка коротко обняла мужчину, которого не видела уже давно, и с которым ее дед вел некоторые дела, благодаря чему они и познакомились. — Все хорошо? А это и есть тот самый Широ? — школьница уже во всю рассматривала нового и ошеломленного жителя дома.

— Д-да? — неуверенно подтвердил парнишка.

— О! А я Фуджимура Тайга, рада знакомству! — стройные, но сильные руки стиснули Широ в объятьях.

Новая знакомая была слишком сильна. И что хуже всего, рыжик нутром ощущал, что спокойствия рядом с ней он не получит. Впрочем, это было так же очевидно, понаблюдай он за ней на полминуты меньше.

— Точно! Вот, держи, в пакете сменная одежда на пару дней. — на стол перекочевал среднего размера пакет, глянув в который младший Эмия отметил наличие и сменного белья, выдать которое в больнице не спешили. — А завтра!..

— Кхм. — тактично зыркнул на Тайгу Кирицугу.

— Послезавтра?

Отрицательное качание головы.

— Через два дня? — недовольства в голосе было хоть отбавляй.

— Ухум.

— Через два дня я тебя поведу в торговый центр, где мы!..

— Кхм.

— Тц. Я. Подберу тебе что-нибудь повседневное. И домашнее. И парадное. О! А еще нужна спортивная форма!

«Как-то слишком сильно её понесло». — отдыхая душой, отметил Кирицугу, смотря на непосредственную Тайгу, которая своим поведением могла ослабить пусть и не сильно, боль причиняемую проклятием.

— …и кроссовки, тапочки, туфли… — не унималась она, не обращая никакого внимания на зависшего от перспектив Широ.

«Нужно подготовить еще несколько тайников с деньгами и драгоценностями». — внутренне выдохнул маг, подсчитывая какую сумму девчонка была готова потратить на одежду и прикидывая, как будет сподручнее самому Широ получать, обналичивать и использовать оставленное ему наследство, узнать о котором он сможет либо незадолго до, либо уже после смерти отца.

Дружить с Фуджимурой вообще было довольно затратно, особенно учитывая неутолимые аппетиты миниатюрной японки.

«И куда интересно в нее столько влезает?»

http://tl.rulate.ru/book/64397/1691223